

Разрушенные жизни: репрессии в Советском Союзе

Т. Н. Пушкарева¹

*(Перевод с англ.: С. Пушкарев;
Науч. ред.: И. Ю. Романов)*

Пушкарева Татьяна Николаевна – доктор медицинских наук, окончила медицинский институт в Ставрополе, работала психиатром. В 1986 году переехала в Киев и в качестве главного научного сотрудника работала в Центре психосоматики и психотерапии Института педиатрии, акушерства и гинекологии Национальной академии медицинских наук Украины.

Большую часть психоаналитического обучения проходила в Швейцарии, в 2007 году стала одним из первых членов Международной психоаналитической ассоциации (ИПА) в Украине. Несколько лет спустя вместе с коллегами основала Украинское психоаналитическое общество (УПО, стади-группу МПА). Была автором переводов психоаналитических книг и статей. В качестве преподавателя и супервизора вела программы наблюдения за младенцами по тавистокской модели и организовала программу по родителско-младенческой психотерапии по методу Центра Анны Фрейд.

В период с 1917 по 1953 год население Советского Союза перенесло огромные травмы. Трансгенерационный перенос этих травм рассматривается автором через призму своего собственного жизненного опыта, опыта ее пациентов и общества в целом. В условиях тоталитарного режима подпольная культура или тайно хранящаяся культура былых времен играли важную роль как свидетельство истины и человеческого измерения, они несли функцию контейнера, второй кожи и поддерживали психическое выживание. Почему так трудно сталкиваться с подобными травмами и раскрывать наследие террора?

Ключевые слова: тоталитарный режим, трансгенерационная травма, культура, кожа, контейнер, женственность.

¹ Татьяна Николаевна Пушкарева – обучающий психоаналитик Украинского психоаналитического общества (стади-группы МПА), погибла в результате несчастного случая в горах в июле 2020 г., вскоре после своего переезда из Киева в Триест. Эта статья является несколько измененным вариантом доклада, который Татьяна Николаевна представила на 51-м конгрессе Международной психоаналитической ассоциации «Женское» (Лондон, 24–27 июля 2019 г.).

Предисловие

В 1990 году в Белграде на одном из первых восточноевропейских психоаналитических семинаров я встретил Аурелию Ионеску, коллегу из Бухареста. Во время долгого обсуждения ситуации в Румынии она кроме прочего рассказала мне о том, насколько рискованно было во время режима Чаушеску проводить психотерапевтические сессии. Порой психотерапевтам и пациентам даже приходилось проверять, не было ли в кабинете прослушки. Я тогда спросил: «Но стоило ли идти на такой риск ради психотерапевтической сессии?» И она ответила: «Нам это необходимо, чтобы чувствовать себя живыми, чтобы делать что-то помимо "политически правильного" и навязанного режимом». Возможно, это одна из причин колоссального интереса к психоанализу, который представители западного мира обнаружили в Восточной Европе сразу после 1989 года.

Мне кажется, это наблюдение, в какой-то степени, относится и к одной из доминант в статье Татьяны Николаевны Пушкаревой: с рождения и на протяжении всей своей жизни люди нуждаются в *живом, подлинном* контакте с психическим содержанием или «*движениями*» других душ и групп. Настоящая культура, как и психоанализ, может быть важным источником такой пищи для разума. Эта мысль также отражена в цитате Павла Флоренского, завершающей ее статью.

Паоло Фонда

«Жертвам травмы остается лишь собирать осколки разбитой на части самости и соединять их в некое подобие себя прежних».

Алессандра Кавалли

«Время не стирало моих воспоминаний (как бы я ни молил о том Всевышнего) и не заживляло моих ран, вопреки тому, что о нем всегда говорят. Каждый день я начинал с надежды, что завтра будет лучше и мои воспоминания чуть притупятся, но я просыпался с той же болью, будто черная лампа бесконечно горела во мне, излучая тьму».

Орхан Памук. «Музей невинности»

Вступление

Думаю, многие люди, пережившие травму, узнают себя в высказывании Памука. Сильная душевная боль не дает воспоминаниям померкнуть, сохраняя их в памяти яркими и живыми, и мелодии травмы звучат в историях пациентов, как и в наших собственных. Однако, чтобы распознать их, требуется немало времени – порой должны смениться несколько поколений. В травмирующий момент время останавливается. Это вызывает состояние, в котором невозможно мыслить, воспринимать невыносимые, нечеловеческие переживания. Чтобы вернуться в поток времени, а вернее, восстановить его течение, требуется усилие – нужно преодолеть защитную реакцию нежелания знать, прорабатывать и интегрировать

травматический опыт. Для многих семей, а также для многих народов это остается незавершенной задачей.

В Советском Союзе самые жесткие политические репрессии продолжались в долгий период с Октябрьской революции 1917 года вплоть до конца сталинской эпохи в 1953 году. Материнство и женственность понесли огромный ущерб от последствий Великой октябрьской социалистической революции. Этот модернистский проект безжалостно и беспощадно разрушил старый мир, заменив его идеалистической иллюзией лучшего мира для всех. Это была попытка создать новое общество социальной справедливости, равенства и братства в духе Французской революции. Желание создать новый мир с новыми человеческими героями, суперменами и суперженщинами, привело к созданию чудовищного, репрессивного, тоталитарного советского режима, подобного тому, что изображен в романе Оруэлла «1984»². А чудовищная травма, нанесенная двумя мировыми войнами, еще больше усугубила ситуацию.

Я хотела бы отметить, что в настоящее время исследовать данный вопрос в Украине было бы непросто. В течение последних пяти лет на востоке Украины шла война между двумя частями бывшего СССР: Российской Федерацией и Украиной. В настоящее время конфликт частично приостановлен, но пока не окончен. Разумеется, эмоции сегодня экстремальны с обеих сторон, и интерпретации прошлого часто используются как оружие друг против друга. Новые травмы часто накладываются на прошлые. Итак, я представлю некоторые мысли и гипотезы, которые в будущем могут быть развиты в систематические, структурированные и углубленные исследования.

² Все началось в 1917 г. с беспощадного уничтожения «старого мира» христианской монархической традиции, убийства царской семьи со всеми детьми и близкими, уничтожения элиты, убийства или изгнания известных личностей (на «пароходе философов» депортировали среди многих других Николая Бердяева, Сергея Булгакова, Ивана Ильина, Николая Лосского, Питирима Сорокина, Федора Степуна), лучших композиторов (С. Рахманинова, И. Стравинского) и писателей (И. Бунина, В. Набокова). Целью было построить новый, счастливый мир, где «кто был ничем, тот станет всем». Согласно данным разных исторических исследований, с 1917 по 1924 г. страну покинули от 1,4 до 5 миллионов бывших граждан Российской империи. Привлекательность коммунистических идей привела к политической чистке всех, кого считали врагами или осуждали как «врагов», что делалось с энтузиазмом и ощущением исполнения долга. С распадом старого мира страна погрузилась во тьму «желания не знать», что в конечном итоге привело к ненависти к свету знания и правды.

Много поколений советских людей уступили этой темноте, приняли советскую мифологию с большевистскими лозунгами, потому что это помогало отгородиться от боли и депрессивного чувства вины и ответственности. Но это привело общество к компульсивному повторению трагедий (жестокости, злоупотреблений и бесчеловечного обращения) через порочные круги проекций и интроекций, а также садомазохистского взаимодействия.

Советских диссидентов преследовали и отправляли во внутреннюю или внешнюю ссылку (И. Бродского, М. Ростроповича, Г. Вишневскую и др.).

Мой личный опыт

Я принадлежу к третьему поколению людей, получивших тяжелую травму в период репрессий. Я хотела бы посвятить свой скромный, но искренний вклад в такую важную и сложную тему моим родителям, бабушкам и дедушкам.

В течение долгих лет вопросы об истории моей семьи хранились в тайниках моего сознания. Я все еще пытаюсь понять, почему даже в стенах нашего собственного дома не обсуждались важные факты и события нашей истории. Мой отец не рассказывал мне, что его отец – гусар и офицер царской армии, в 1929 году был обвинен в шпионаже, взят под стражу и отправлен в сибирский ГУЛАГ, из которого так и не вернулся. В 1938 году он был казнен, а реабилитирован только в 1994-м. Его младшая дочь никогда не виделась с ним. Мой отец, всего 13 лет от роду, был вынужден взвалить на себя ответственность за семью, работая, чтобы обеспечить трех сестер, маму, бабушку и тетю. До падения Советского Союза я не знала о том, что происхожу из дворянского рода, семьи землевладельцев. Мой отец хранил это в тайне даже от своей жены, моей мамы. Лишь однажды в 1980-х, во время их поездки в Ленинград, он осмелился показать ей прекрасный дом, некогда принадлежавший его родителям. Мне он рассказал, что его папа и мама были из знатных семей в конце 80-х. Эти секреты были попыткой защитить себя от боли прошлого и от страха и реальной угрозы преследования его и членов семьи. Это также означает, что он всю свою жизнь опасался дальнейших социальных и политических преследований, как сын врага народа. Тем не менее он стал важным функционером Коммунистической партии (партии, которая разрушила его дореволюционную жизнь и убила его отца), отвечал за строительство электростанций и других важных сооружений по всему СССР. Он посвятил свою жизнь работе на благо общества и, несмотря на высокое служебное положение, вел скромный образ жизни. Можно только представить, в какую степень расщепления он был вынужден погрузиться! Конечно, это закрывало путь к проработке травм – для него, как и для всех пострадавших от них (членов семьи, родственников). Недавние психоаналитические исследования показали, насколько следующие поколения уязвимы перед трансгенерационной передачей травмы.

Символично, что я родилась в Казахстане, куда моего отца направили работать инженером на строительство Карагандинской гидроэлектростанции. Эта станция находится рядом с одним из крупнейших лагерей ГУЛАГа: Карлагом – Карагандинским лагерем, где находилось много политических заключенных. После смерти Сталина многих из них освободили, но не всем разрешили покинуть Казахстан. Мои родители близко дружили с четырьмя семьями бывших политзаключенных и хранили эту дружбу всю жизнь. Благодаря этому я выросла в атмосфере дружбы с хорошо образованными, приятными людьми, блестящими профессионалами и художниками.

Отец моей мамы также был сослан в Сибирь в 1937 году. Ей было всего девять лет, когда это случилось, ему пришлось оставить жену и восьмерых

детей. Они выжили только благодаря единственной корове и неустанному тяжелому труду. Их девятая дочь умерла во время голода 1932 года (у нее была непереносимость травы, которую ели все, чтобы выжить). К счастью, этого деда освободили и реабилитировали в 1939 году.

В течение десятилетий в моей семье, как и во многих других, страхи и секреты лежали прямо под поверхностью кажущейся нормальной мирной жизни. Но страх за свою жизнь и страх перед чувством угрозы сами по себе травматичны. Они требуют постоянного контроля и повышенного внимания к «минам», которые могут оказаться под ногами при любом шаге. Представьте силу тех механизмов, которые заставят детей, часто настойчиво пытливых и любопытных, принять, что есть темы под абсолютным запретом.

Что помогло этим семьям выжить, что поддерживало их стойкость? В обеих семьях прабабушки и бабушки, хранительницы семейных и культурных традиций и ценностей, задавали тон в домашнем укладе. Обе семьи были воспитаны на христианских ценностях, уважении к другим и трудолюбию. Благодаря их влиянию в семьях поддерживались взаимная привязанность, теплые отношения, взаимная поддержка и сотрудничество. В обеих семьях все разделяли любовь к чтению, которое было основным видом досуга.

Тема вытеснения травм в моей клинической практике

Паоло Фонда, бывший директор Психоаналитического института для Восточной Европы им. Хан Гроен-Праккен, утверждает, что за 25 лет его участия в обучении коллег из Восточной Европы, собеседований с кандидатами и наблюдений за их пациентами он имел возможность подробно познакомиться с почти 200 жизненными историями. Он был поражен, узнав, у какого числа людей из прошедших собеседования (особенно из бывшего СССР) имели место вытесненные травмы, связанные с родителями или родственниками (убитыми, депортированными или преследуемыми). Подобными наблюдениями также делился Гари Голдсмит, еще один преподаватель института.

После того как я начала глубже осознавать травматическую историю собственной семьи и ее последствия, у меня возрос интерес к поиску подлинного понимания феномена травм репрессий в Советском Союзе и их трансгенерационной передачи.

Я также ощутила растущий интерес к историям жизни известных деятелей, подвергавшихся преследованиям: ученых, художников, поэтов и писателей. Меня заинтересовали их попытки субъективно и последовательно проработать их травматический опыт и интегрировать его в свою самость и жизненный нарратив. Они представляют то, что называют «показаниями свидетелей».

«Погружаясь» в глубокое, темное море репрессий и массовых травм, я также начала выявлять травмирующие события во многих историях моих пациентов.

Клинический случай «Мертвая принцесса»

Молодая успешная женщина была в анализе семь лет. Она – представитель четвертого травмированного поколения – обратилась ко мне за помощью из-за тревоги, страха остаться без денег, страха нервного срыва, мыслей о самоубийстве, ощущения себя не вполне живой, отчасти мертвой, как «мертвая принцесса», страха одиночества, чувства пустоты, неспособности любить, собственной убогости и «ничтожности». Она ощущала, что живет не своей жизнью. Ей было трудно отделиться от матери, и она постоянно искала материнские объекты в своих дружеских отношениях и романтических партнерах.

Мало-помалу кусочки головоломки ее истории начали складываться воедино. Оформился нарратив, в котором также прослеживалась трансгенерационная передача старых травм.

Первое поколение травм репрессий

Прадед моей пациентки, репрессированный как кулак, потерял все свое имущество и был депортирован в Сибирь. Его жена, которая была почти полностью глухой с юности и пострадала от свирепого голода 1932–1933 годов, после депортации мужа осталась одна. Всегда подавленная, она воспитывала свою дочь в эмоционально закрытой и холодной атмосфере.

Второе поколение

Эта дочь, бабушка моей пациентки, добилась успеха в своей профессии. У нее было несколько аборт. Когда родилась мать моей пациентки, ее отец, надеясь на мальчика, не хотел забирать жену домой из больницы с их новорожденной девочкой.

Третье поколение

Этот ребенок, мать моей пациентки, пережила тяжелый случай пневмонии в младенчестве. В возрасте 10 месяцев ее отправили к бабушке и дедушке в деревню. Она прожила там до трех с половиной лет и к тому времени уже не помнила ни матери, ни отца.

Несмотря на это, мать стала успешным профессором университета. Однако она была очень тревожной, робкой, неуверенной в себе и параноидально боялась бедности. У нее также часто случались вспышки гнева, и члены семьи страдали от ее негативных эмоций. Как и ее мать, она сделала несколько аборт. В начале беременности моей пациенткой она задавалась вопросом: оставить ее или прервать беременность?

Начиная с Голодомора 1932–1933 годов и далее в связи с различными угрозами во время репрессий жизнь членов этой семьи была пронизана сильными страхами бедности, голода, нищеты и беспомощности. Эти чувства, игравшие главную роль, передавались через поколения: мать моей пациентки все еще паникует, если дома нет больших запасов пищи, она навязчиво переедает.

Недостаточный опыт материнства передался через три поколения. Из-за этого моя пациентка испытывала большие трудности в процессе сепарации и индивидуации. Много лет она была рядом с матерью в симбиотических отношениях, хотя они были наполнены ненавистью и яростью. Лишь очень постепенно, в ходе анализа, она отделилась от матери и создала собственный бизнес. Сейчас она выстраивает автономные отношения с матерью.

Пациентке приснился сон, иллюстрирующий судьбу этих поколений: *река течет вниз и кажется приятной. Однако есть участки, где она исчезает, есть зоны сухого грунта. Река появляется вновь, но затем исчезает снова, открывая участки сухой земли.* Пациентка сравнивает это с лысой головой, которую она связывает с безжизненностью. Она ассоциирует это с периодами, когда чувствовала себя неживой, частично мертвой, ее ассоциации обращены к ее семейным травмам, вызванным репрессиями, когда «жизнь остановилась», «дети не рождались», поток реки жизни иссяк, остановился.

«Испуганный мальчик»

В течение десяти лет психоанализа пациент, мужчина чуть за 40, переживал подобные трудности сепарации от матери. Он жаловался на то, что не в состоянии иметь отношения с женщинами, очень тревожен, уязвим и сверхчувствителен к малейшему недостатку интереса к нему.

Он прожил всю жизнь с матерью, пока ему не исполнилось 40 лет. Его мать была травмирована безвременной смертью своей матери, за которой последовало исчезновение ее отца в ГУЛАГе. Позже ее старшего брата убили нацисты, их дом сожгли, и она была разлучена со своей старшей сестрой. Впоследствии она провела часть своего детства в детском доме. Мой пациент воспринимал мать как не теплую и не любящую, холодную, жесткую, удаленную, требовательную, недостижимую и всегда занятую своей работой. В то же время они спали в одной большой кровати до 12 лет. В этих симбиотических отношениях в его бессознательных фантазиях доминировало всемогущество: он цеплялся за мать, что делало его неспособным на какие-либо серьезные отношения. Лишь после четырех лет анализа он нашел свою первую сексуальную партнершу, на которой и женился.

Ущерб, причиненный травмами родителей их детям (второму поколению), также можно понять через осознание фундаментального подрыва доверия и передачу страха, неуверенности, пустоты и отчаяния. Имеют место постоянные разыгрывания, связанные с материнской депривацией и неспособностью травмированной, депрессивной матери адекватно реагировать на эмоциональные потребности младенца и контейнировать их. Таким образом, дети травмированных матерей вырастают с эмоционально «мертвой матерью» и в конечном итоге живут в «мертвенной необитаемой вселенной» (Green, 1983). Такие дети чувствуют себя брошенными своими матерями, и это затрудняет их сепарацию-индивидуацию. В таких случаях я наблюдаю у своих пациентов отсутствие чувства времени,

своего рода симбиотическое безвременье, неспособность упорядочивать и обрабатывать переживания, а также неспособность в достаточной степени использовать символическую функцию. Интроекция таких моделей объектных отношений ребенком создает детерминанты для дальнейшей передачи травмы в последующих поколениях.

Говорить о травме особенно трудно прежде всего потому, что это совершенно специфический психический феномен, лишенный структуры и смысла. Говоря о психической травме, несколько авторов указывают на ее «экстерриториальный» характер, метафорически описывая ее как «ментальную дыру» (Reemtsma, 1996). Имеется в виду, что травматический опыт выходит за рамки способности субъекта перерабатывать (to process) опыт из-за его интенсивности и болезненности. Суть переработки заключается в присвоении смыслов тому, что произошло или происходит. В результате травма выходит за рамки системы ценностей, т. е. оказывается там, где ценностей больше не существует или никогда не существовало. Таким образом, травма подразумевает потерю смысла и потерю символизации.

Как указала Е. Калмыкова (2010), «задачей психоанализа является восстановление (restoration) и исцеление от травматического опыта, то есть придание ему смысла посредством символизации. Трансформировать травму, то есть поэтапно построить ее внутриспсихическую репрезентацию, можно путем конструирования и реконструирования психической реальности в процессе анализа».

Сравнительное исследование распространенности послеродовой депрессии (PPD)

В ходе лонгитюдного исследования PPD в Киевском институте педиатрии, акушерства и гинекологии Украинской академии медицинских наук мы повторили исследования Мариенхоспиталю (Marienhospital) и Института психотерапии в Штутгарте (Германия) о распространенности PPD. Мы сделали это, чтобы иметь возможность сравнить результаты. Использовалась Эдинбургская шкала PPD.

Результаты сравнительного лонгитюдного исследования представлены в следующей таблице (*таблица 1*).

Результаты показывают значительно более высокую (в 5,26 раза) распространенность PPD среди женщин в Киеве, чем в Штутгарте.

Социально-психологические травматические факторы риска были широко представлены в киевской выборке. Психодинамическое исследование выявило распространенность ранней сепарации и утраты у 57% респондентов с PPD по сравнению с 10% в группе сравнения, состоявшей из здоровых женщин, в Киеве. Далее, конфликты сепарации-индивидуации были выявлены у 59% женщин с PPD. Однако в нескольких отдельных случаях у женщин, страдавших PPD, которых удалось исследовать глубже, имела место трансгенерационная передача обширных кумулятивных травм: потеря родственников в период Голодомора (1932–1933), сталинские репрессии, Вторая мировая война, потери в 1990-х гг.

Таблица 1.

Общее число респондентов (женщины через 3–6 месяцев после родов)	Киевский институт ПАГ	Marienhospital
	153	772
Баллы выше 9 по Эдинбургской шкале PPD	56 (36,6%)	132 (17%)
PPD	29 (18,95%)	28 (3,6%)

(бедность, потеря родителями работы, нестабильность, ранняя сепарация и тому подобное).

Было бы интересно улучшить эти методы исследования и сосредоточиться на роли трансгенерационного компонента травматизации.

Почему так трудно смотреть в лицо подобным травмам?

Мне потребовалось много времени, чтобы открыть – выйти за пределы одного только сбора информации и по-настоящему эмоционально вовлечься, – до какой степени советские люди, включая меня саму, моих коллег и пациентов, были травмированы советским режимом. Почему же так тяжело соприкоснуться с травмами массовых преследований, которые происходили в обществе, в котором вы живете? Как и у большинства, мое положение было слишком ненадежным и слабым, чтобы открыть дверь, за которой таятся бесконечные страдания, «стон и скрежет зубовой», страх и отчаяние. Сговор молчания был необходим для защиты отдельных лиц и семей/групп от непреодолимого беспокойства и невыносимой боли. Не было никаких доступных объектов, которые могли бы помочь контейнировать и проработать такое содержимое. Хотя я прочитала свою первую книгу о ГУЛАГе – «Один день Ивана Денисовича» А. Солженицына, – когда мне было 10 лет, я до сих пор не решаюсь читать книги Варлама Шаламова (бывшего заключенного и блестящего писателя), которого моя мама перечитала несколько раз, поскольку он особенно реалистично описывает ужасное насилие над невинными жертвами ГУЛАГа.

Существуют условия, при которых расщепления необходимы для выживания и для защиты определенного отщепленного пространства, где все еще возможно будет любить, рожать, растить детей и верить в лучшее будущее. Однако это дается большой ценой с точки зрения других частей самости, отключенных в результате такого расщепления.

Какое еще решение возможно, когда ощущается полное бессилие перед лицом всемогущей, вездесущей и безжалостной государственной власти, которая проникает глубоко в умы, часто успешно ослабляя и парализуя их? (Приведу сон второго пациента, упомянутого выше: *«Я чувствую себя побежденным в битве с кем-то, я лежу на земле, в грязи, грязный*

и беспомощный. Большая овчарка подходит ко мне и начинает тереть мою промежность, доводя меня до оргазма. Я чувствую отвращение и боль от этого сна». Он подчеркнул ужасный страх в своих ассоциациях: он не мог пошевелиться и не мог избавиться от этой собаки, он чувствовал себя парализованным от страха. Собаку он ассоциировал с немецкими овчарками, которых советские тюремщики и нацисты натравливали на заключенных.)

Насколько конкретными в такой ситуации могут стать фантомы «Родины»? В русском языке это слово синонимично «отчизне», но оба слова женского рода и связаны с рождением; на ум приходят детоубийства *Матери*, как в дионисийских оргиях, когда женщины в экстазе «разрывали своих детей на части и пожирали кровоточащие куски». Это была сакраментальная «Омофагия». Мотивацией *Отца* к детоубийству было «нежелание отказаться от своего абсолютного превосходства в пользу своих растущих детей» (Wellisch, 2001). *Революция, пожирающая своих сыновей!*

Фэйрберн (1943, с. 67) выразил ужасную истину: «Младенец упорствует в своей любви к плохим объектам, потому что **плохие объекты лучше, чем вообще никаких**» (выделено мной. – Т. П.). И снова Фэйрберн (1944, с. 113): «Но если младенец слишком долго будет пытаться выжать любовь из нелюбящей матери, он подвергнется дезинтеграции <...> и неминусимой психической смерти».

Как раскрыть наследие террора?

Было и все еще существует наследие огромных травм, ужасных преступлений, злодеяний преступников и вины тех, кто сотрудничал или закрывал глаза, молчал и предпочитал ничего не знать.

В аналитической терапии мы, как правило, с осторожностью оцениваем правильное время для раскрытия болезненного содержания. Иногда мы годами ждем, пока связность самости не будет достаточно сильной, чтобы вынести некоторые, почти уничтожающие, болезненные истины. Мы уделяем большое внимание тому, что может быть раскрыто-интерпретировано, и осторожно выбираем момент, в который можно поспособствовать развитию и репарации – что будет означать прогресс, вместо провокации уничтожения или деструктивного отыгрывания – это, напротив, приведет к регрессии. Подобная динамика, по-видимому, необходима и для групп.

В определенном смысле секреты также могут быть поняты как необходимость спрятать или заморозить. Они невыносимы в данный момент, или их проработка должна быть отложена, пока условия не позволят это сделать, до тех пор когда самость будет достаточно сильной.

Приписывание вины горстке криминальных лидеров также является защитой: их можно индивидуализировать и осудить, но это лишь частичная правда. Назвать сообщником большую часть населения или все сообщество, хотя и с разной степенью ответственности, также кажется уловкой, хотя это и может больше соответствовать истине. Поэтому часто

возникает защита в виде параноидной проработки скорби: «Они (лишь отщепенная часть нашего общества) виноваты, а мы невиновны».

Всегда осознавая этот легкий выход, Мергерит Дюрас (1985) писала: «Если нацистский ужас считать судьбой Германии, а не коллективной судьбой, человек из Бельзена будет низведен до того, чтобы стать жертвой локального конфликта. На такое преступление есть только один ответ: превратить его в преступление каждого. Разделить его. Как мы разделяем идею равенства, братства».

Точно так же Эрих Фромм учил своих студентов помнить слова Теренция: «*Нотум сум, humani nihil a me alienum puto*» (*Я человек, я не могу считать чуждым мне что-либо человеческое*), чтобы они понимали этот феномен – когда некоторые ужасные проявления у других вызывают в нас отторжение, но при этом мы склонны отрицать наличие таких темных сторон внутри себя.

Как и нации, большие группы должны ждать подходящего времени, чтобы раскрыть ужасные ужасы своей истории. Спустя десятилетия почти все европейские страны «открывают», что их граждане, их армии, их правительства совершили во время мировых войн, колониальных войн или других. Должны пройти десятилетия в ожидании подходящего момента, чтобы можно было наконец раскрыть такие секреты или, лучше, интегрировать в репрезентацию группы то, что уже было более или менее известно, но оставалось эмоционально отщепленным.

Сначала группам необходимо укрепить сплоченность, стать достаточно сильными, чтобы признать свои преступления. Если имеет место дисбаланс с чрезмерной негативностью по отношению к слабой самости, из-за риска дезинтеграции группа может отреагировать опасно сильной параноидной защитой. (Пациенты с шизофренией, которые выздоравливают после бредового кризиса, часто подвергаются риску самоубийства, поскольку их нарциссизм настолько поврежден, что они не могут жить дальше.)

Л. Н. Толстой может помочь нам лучше понять, почему ответственность и чувство вины должны быть распространены на всех. В 1869 году он написал (имея в виду Наполеона):

– Есть две стороны жизни в каждом человеке: жизнь личная, которая тем более свободна, чем отвлеченнее ее интересы, и жизнь стихийная, роевая, где человек неизбежно исполняет предписанные ему законы.

Человек сознательно живет для себя, но служит бессознательным орудием для достижения исторических, общечеловеческих целей. Совершенный поступок невозвратим, и действие его, совпадая во времени с миллионами действий других людей, получает историческое значение. <...> Чем выше стоит человек на общественной лестнице, чем с большими людьми он связан, тем больше власти он имеет на других людей, тем очевиднее предопределенность и неизбежность каждого его поступка.

«Сердце царевы в руке Божьей».

Царь – есть раб истории.

История, т. е. бессознательная, общая, роевая жизнь человечества, всякой минутой жизни царей пользуется для себя, как орудием для своих целей.

(Л. Толстой. «Война и мир». Том III, часть I, глава I)

– Каждому администратору в спокойное, не бурное время кажется, что только его усилиями движется все ему подведомственное народонаселение, и в этом сознании своей необходимости каждый администратор чувствует главную награду за свои труды и усилия. Понятно, что до тех пор, пока историческое море спокойно, правителю-администратору, с своей уютной лодочкой упирающемуся шестом в корабль народа и самомудвигающемуся, должно казаться, что его усилиями двигается корабль, в который он упирается. Но стоит подняться буре, взволноваться морю и двинуться самому кораблю, и тогда уж заблуждение невозможно. Корабль идет своим громадным, независимым ходом, шест не достает до двинувшегося корабля, и правитель вдруг из положения властителя, источника силы, переходит в ничтожно-го, бесполезного и слабого человека.

(Л. Толстой. «Война и мир». Том III, часть 3, глава XXV)

Через 60 лет после Толстого Зигмунд Фрейд написал об этом в «Групповой психологии и анализе Я» (1921, с. 123): «Мы должны были бы сделать заключение, что психология массы является древнейшей человеческой психологией. Что мы выделили как индивидуальную психологию, пренебрегая всеми следами проявлениями группы, лишь с тех пор стало обособлено от древней психологии масс, путем постепенного процесса, который, возможно, все еще можно описать как неполный» (*курсив мой. – Т. П.*).

Роль культуры – вторая кожа культуры

«Слово умирает последним».

А. Тарковский

Индивиды нуждаются в других индивидах и группах для контейнирования и помощи в переработке того, что слишком тяжело для сознания. Но группам также нужны яркие гении – такие как поэты и ученые, – чтобы воспринимать и «интерпретировать» скрытое во тьме. На большом групповом уровне, на уровне народов, мы можем предположить, что культура играет материнскую/психоаналитическую роль холдинга и контейнирования, иногда стремясь реализовать отцовскую роль Супер-Эго для восстановления законов истины и этики.

Поскольку культура играет двойную роль в исцелении и придании значения травматическим переживаниям посредством символизации, в советской жизни, полной травматических переживаний, культура играла важную роль в качестве второй кожи как на индивидуальном, так и на групповом/социальном уровнях.

Вот что писала по поводу контейнирования Эстер Бик (1968): «В неинтегрированном состоянии младенца потребность в контейнирующем объекте вызывает, по-видимому, неистовый поиск объекта (света, голоса,

запаха или другого сенсорного объекта), на котором можно было бы удерживать внимание и таким образом быть в состоянии удерживать вместе различные части личности. Наилучшим таким объектом является сосок во рту вместе с удерживающей, говорящей и привычно пахнущей матерью. <...> [Т]акой контейнирующий объект воспринимается как кожа». Это кажется особенно уместным, если мы рассмотрим регрессию, вызванную постоянной массовой травматизацией.

Это одна из задач культуры – найти и исследовать истину, которую с самого начала лишь немногие хотят узнать или достаточно сильны для этого. Но затем должен наступить момент, когда и большая часть населения станет способной и готовой знать, переработать и попытаться исправить ситуацию.

Диссиденты писали о репрессиях тогда, когда те происходили, или вскоре после того, но эти отчеты были опубликованы только за рубежом и лишь гораздо позже в России. На постсоветском пространстве это явление распространяется на уровне больших групп медленно, хотя многочисленные документальные и художественные фильмы, книги и пьесы описывают эти события³.

Что позволило выжить женщинам в ГУЛАГе и женщинам, чьи отцы, мужья или сыновья там находились? Иногда кажется, что их стойкость основывалась на определенных существенных характеристиках, таких как мощная связь с культурой, а именно с литературой и поэзией, которые оставались яркими и живыми, глубоко укоренившимися в семейных традициях и отношениях.

Женственность и материнство подвергались многочисленным нападкам со стороны тоталитарного режима. Тем не менее они выжили благодаря сохранению и трансгенерационной передаче достаточно хороших материнских объектов в психике индивидов и в общей культуре. Культура и семейные традиции также сохранялись и передавались дедами. Тем не менее в основном это были бабушки, которые родились и выросли до революции, внесли свой вклад в сохранение семей, поддерживая преемственность и последовательность. Все это заложило основу для воспитания новых поколений художников и интеллектуалов, а также большого числа ценителей культуры. Искусство и культура обеспечили контейнирование, творческую символизацию и обогащающий эффект, что позволило людям и культуре выжить и процветать. Действительно, возможно, именно из-за этой своей функции культура была под столь строгим контролем. Несмотря на преследование, нонконформистское искусство и культура сумели сохранить определенное потенциальное пространство для индивидуации и персонификации.

³ Существуют волонтерское движение и организации, которые исследуют архивы и размещают информацию о жертвах на веб-сайтах. В Facebook есть группа «Бессмертный барак» с многочисленными историями о жертвах, а также преследователях. Есть прецедент, когда внук преследователя извинился перед внуками жертв. Сейчас в школьных программах по литературе в России присутствуют несколько замечательных книг об этом периоде, но, как и везде, существует и мощное пассивное сопротивление тому, чтобы узнать больше.

Изобразительное искусство предлагает связь, ощущение контакта с хорошими объектами – так сказать, *сепарацию в присутствии других*.

В те времена это происходило, несмотря на общее преобладание интенсивной параноидно-шизоидной позиции, которая иногда была близка к психотическому групповому функционированию. Этому способствовал тот факт, что в тоталитарных режимах люди принадлежат к более широкой группе, которая разделяет одну и ту же судьбу и чувствует себя равной перед лицом общего будущего. Это усиливает чувство слияния.

Искусство, театр, музыка, литература выполняют критически важную функцию холдинга и обеспечивают индивидуацию во времена одиночества, утрат, унижений и репрессий. Связь с великой русской поэзией и литературой символически означала оживление отношений с интроецированным хорошим материнским объектом.

Чтение стихов любимых поэтов – Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Блока, Мандельштама, Пастернака, Ахматовой, Цветаевой – было питательным и воскрешающим опытом.

Владимир Набоков в книге «Память, говори» пишет, что *Homo sapiens* не мог бы появиться без *Homo Poeticus*. А Иосиф Бродский писал: «... поэзия – это колоссальный ускоритель сознания, и для пишущего, и для читающего. Вы обнаруживаете связи или зависимости, о существовании которых вы и не подозревали: данные в языке, речи. Это уникальный инструмент познания». Поэзия стала тем волшебным кристаллом, при помощи которого современная личность может различить свои собственные черты.

Наши сокровенные переживания, сомнения и предчувствия, наша духовная драма, воспитание слуха и воспитание чувств были воплощены в поэзии с пронзительной глубиной. Поэтическая картина мира таинственным образом связана с миром нравственным. Неудивительно, что Достоевский указал на Пушкина как на историческое оправдание и цель. Если это не так, то «видовая цель» откладывается на неопределенный срок. Как отметил современный философ и писатель Глеб Смирнов, «неизменным качеством русской литературы является ее знаменитая исповедь (то есть она воспроизводит таинство покаяния), а также ее обвинение, то есть она также наследует миссию ветхозаветных пророков исправлять пути людей» (Smirnov, 2019).

Советская и русская литература продолжает прорабатывать сложные и болезненные события и переживания советского прошлого: А. Ахматова, Б. Пастернак, А. Солженицын, В. Гроссман, Е. Гинзбург, В. Шаламов и другие в XX веке, за которыми следуют современные Л. Улицкая, Е. Водолазкин, З. Прилепин, Г. Яхина.

Психоанализ – это тоже поэзия, и у него должна быть своя поэтика. Ведь в самом деле Фрейд получил премию Гете в знак признательности за свой литературный дар.

Томас Огден (Ogden, 1997, p. 233), сравнивая язык анализа с языком литературы, пишет: «Поэзия – отличное упражнение для аналитического слушания». Хороший анализ, как и хорошая литература, должен быть интересным. Огден обсуждает литературные произведения Роберта Фроста,

Хорхе Луиса Борхеса, Шейна Стивенса, Уильяма Карлоса Уильямса и Франца Кафки. Он считает интерес языковым эффектом, талантливой работой, которая исходит из *искренного* опыта. И связывает это с идеей: «чтобы думать, нужны хотя бы двое».

Павел Флоренский, блестящий универсальный ученый и философ, казненный в 1937 году, писал: «Слово, порождение всего нашего существа в его целостности, есть действительно отображение человека <...> А через меня – слово отображает и несет с собою влияния, стекшиеся в меня от тех, кто образовал мою личность... Можно сказать, что в слове исходят из меня гены моей личности, гены той личностной генеалогии, к которой принадлежу я. И потому словом своим входя в иную личность, я начинаю в ней новый личностный процесс».

В качестве приложения

Существует длинный список выдающихся личностей, особенно женщин, которые пережили этот кошмарный период и оставили нам примеры мужества, стойкости, достоинства и честности. Они обладали врожденными способностями справляться с травмами, исцелять свои травмы и помогать в этом другим.

Я хотела бы привести в пример жизнь и творчество великой русской поэтессы Анны Ахматовой, чей «Реквием» – душераздирающая поэма о годах сталинских репрессий:

«Муж в могиле, сын в тюрьме, / помолитесь обо мне».

Ее муж, отец ее сына, известный русский поэт Николай Гумилев, был расстрелян большевиками в 1921 году. Ее сын, Лев Гумилев, был заключен в тюрьму в 1935 году и освобожден благодаря личному письму его матери Сталину. В 1938 году он снова был заключен в тюрьму и отправлен в ГУЛАГ на пять лет. Затем он два года воевал против нацистов в Красной армии, но снова был заключен в тюрьму с 1945 по 1956 год. Чтобы избежать преследований со стороны Сталина, Анна Ахматова сожгла свои труды. Чтобы сохранить некоторые из ее стихотворений, круг друзей выучил ее поэму «Реквием» наизусть.

Этот реквием был опубликован за границей, но не в ее родной стране, пока Ахматова была жива. Поэма продолжала циркулировать в подполье и была опубликована только в 1989 году, когда М. С. Горбачев официально реабилитировал Ахматову.

Читая «Реквием» сейчас, каждый будет глубоко впечатлен его мощными образами, голосом, который констатирует последствия ужаса в повседневной жизни, обрывками подслушанного разговора, «размещенными» в отдельных виньетках, которые создают мощный эффект отчаяния и стойкости. Анна Ахматова, Николай и Лев Гумилев сейчас являются одними из самых любимых авторов многих людей из постсоветских стран.

Еще одна удивительная история – история Евгении Гинзбург. Она была счастливой, молодой, хорошо образованной профессиональной

журналисткой и преподавателем университета. Она также была членом Коммунистической партии, женой советского лидера в Казани и матерью двух мальчиков 12 и 4 лет. Она была исключена из партии в 1934 году, заключена в тюрьму в 1937 году, когда ей было 30 лет, и провела 18 лет в тюрьмах и лагерях.

Ее книга воспоминаний «Крутой маршрут», написанная в 1955 году, была впервые опубликована в 1967 году в Милане, одновременно с «Доктором Живаго» Пастернака. Это впечатляющий документ, имеющий большую литературную ценность. Блестящая память автора о поэзии и литературе, а также ее собственная поэзия позволили ей выжить и написать великую книгу. Гинзбург выучила наизусть все произведения Пушкина и Блока. Она создавала свои собственные стихи и заучивала их наизусть, как и сын Ахматовой, Лев Гумилев.

«Семь минут! Вся трагикомедия длится ровно семь минут, ни больше ни меньше», – пишет Гинзбург о суде, где не отвечали ни на один из ее вопросов и не принимали ни одно из заявлений. В одной из самых показательных глав книги она описывает огромное облегчение, которое испытала, услышав приговор – до этого момента она боялась смертного приговора:

«Жить! Без имущества! Да на что мне оно? Пусть конфискуют! Они ведь разбойники, как же им без чужого имущества! Мое-то им вряд ли пригодится... Ну книги, ну платья... Даже приемника у нас нет. Ведь мой-то муж – настоящий старый коммунист, ему не нужны были ваши "бьюики" и "мерседесы"... Десять лет... И вы думаете еще десять лет разбойничать тут, судаки маринованные? Вы всерьез надеетесь, что в партии не найдется людей, которые схватят вас за руку? А я знаю – есть такие люди... И рано или поздно – конец вам придет... И ради того, чтобы увидеть этот конец, надо жить. Пусть в тюрьме, все равно! Жить! <...> Я оглядываюсь на конвоиров, все еще держащих за моей спиной скрещенные руки. Каждая жилочка во мне трепещет восторгом бытия. Лица конвоиров кажутся мне симпатичными. Простые парни. Рязанские или курские. Чем они виноваты? По мобилизации, наверно. И руки вот скрестили, хотели поддержать. Но это они напрасно. Я не буду падать.

Я вдруг встряхиваю локонами, закрученными перед судом для того, чтобы не осрамиться перед тенью Шарлотты Корде. Потом дружелюбно улыбаюсь конвоирам, которые с удивлением смотрят на меня».

Она уже не увидела своего старшего сына, который умер от голода в Ленинграде в 1942 году. Когда она встретила со своим младшим, спустя 12 лет после ее заключения, они провели всю ночь, читая наизусть любимые стихи. Им был Василий Аксенов – один из известнейших писателей поколения шестидесятников.

Последний пример – поэтесса Марина Цветаева, еще одна великая русская поэтесса и писательница, дочь профессора Ивана Цветаева, основателя и создателя Русского музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина в Москве. Ее муж Сергей Эфрон был расстрелян КГБ, ее маленькая дочь умерла от голода в 1922 году, а ее старшая дочь Ариадна отсидела в лагерях с 1939 по 1955 год. Сестра Марины Анастасия, тоже

писательница, была заключена в тюрьму в 1937 году, затем отправлена в ГУЛАГ, а после сослана до 1959 года. Марина Цветаева покончила с собой в августе 1941 года, а ее сын Мур погиб во время Второй мировой войны.

Общее сокровище взаимной любви к поэзии связывало членов многих советских семей. Мои родители любили и знали наизусть многие стихи любимых поэтов и книги, которые сопровождали их до последних дней.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Akhmatova A.S.* (1963). *The Complete Poems of Anna Akhmatova*. Zephyr Press, Chicago, 2000.
2. *Bick E.* (1968). The experience of the skin in early object relations. *Int J Psychoanal* 49: 484-486.
3. *Brodsky I.* (1980). *Conversations*. University Press of Mississippi, Jackson (Mississippi).
4. *Cavalli A.* (2012). Transgenerational Transmission of Indigestible Facts: From Trauma, Deadly Ghosts and Mental Voids to Meaning Making Interpretations. *J Analytic Psych*, 57(5): 597–614.
5. *Corsa R.* (2020). Dopo il disgelo: vulnerabilità e resilienza nella psicoanalisi dell'Est Europeo. [After the Thawing: Vulnerability and Resilience in the Psychoanalysis of the East Europe.] *Psiche*, 2020/1, pp. 2–68.
5. *Duras M.* (1985). *The War: a Memoir*. (original title: *La Douleur*). The New Press, New York, 1994.
6. *Fairbairn W.R.* (1943). The repression and the return of bad objects (with special reference to the «war neurosis»). *Psychoanal St Personality*, Tavistock P.L., London, 1952, pp. 59–81.
7. *Fairbairn W.R.* (1944). Endopsychic structure considered in terms of object relationships. *Psychoanal St Personality*, Tavistock P.L., London, 1952, pp. 82–136.
8. *Florenskij P.* (1922). *Attualità della parola. La lingua tra scienza e mito*, Guerini, Milano, 1989.
9. *Freud S.* (1921). *Group Psychology and the Analysis of the Ego*. SE XVIII. p. 123.
10. *Ginzburg E.* (1967). *Journey into the Whirlwind*. Harcourt, New York, 1967.
11. *Green A.* (1983). *Narcissisme de vie, narcissisme de mort*. Les Éditions de Minuit, Paris.
12. *Green A.* (1986). The dead mother. In: *A. Green, On Private Madness*. Hogarth, London. pp. 142–173.
13. *Kalmykova E.C.* (2003). Reconstruction of the psychic trauma: reestablishing connections among times and events. [Реконструкция психической травмы: восстановление связи времен и событий.] *Journal of Practical Psychology and Psychoanalysis [Журнал Практической Психологии и Психоанализа]*. 2003, 3.
14. *Ogden T.H.* (1997). *Rêverie and interpretation. Sensing something human*. Jason Aronson, Lanham.
15. *Orwell G.* (1949). *Nineteen EightyFour*, Secker&Warburg, London.

16. *Pamuk O.* (2008). *The Museum of Innocence* [original title: *Masumiyet Müzesi*]. Alfred A. KNOFF, New York, 2009.
17. *Reemstma J.P.* (1996). *State Terror*, in: M. Oehmichen (ed.): *Maltreatment and Torture*, Schmidt Römhild, Lübeck, 1998.
18. *Shalamov V.T.* (1973). *Kolyma Stories*. New York Review Books Classics, New York, 2018. *SOLZHENICYN, A.I.* (1962). *One day in the life of Ivan Denisovich*: Farrar Straus & Giroux, New York, 1991
19. *Smirnov G.* (2019). *Artodoxia*. Ripol Klassik, Moscow. *TOLSTOY, L.* (1869). *War and Peace*, Global Grey, globalgreybooks.com, 2018.
20. *Tsvetaeva M.* (1967). *The Essential Poetry*. Glagoslav Publications B.V. London, 2015.
21. *Wellisch E.* (1954). *Isaac and Oedipus: A Study in Biblical Psychology of the Sacrifice of Isaac*, Routledge and Kegan Paul, New York, 1999.

Ruined Lives: Repressions in the Soviet Union

T.N. Pushkareva

*(Translation from English: S. Pushkarev;
Scientific. ed.: I.Yu. Romanov)*

Pushkaryova Tatjana Nikolaevna, graduated in Medicine in Stavropol and worked as Psychiatrist. In 1986 moved to Kiev where, as Doctor of Medical Sciences, became Scientific Chief of the Centre of Psychosomatics and Psychotherapy at the Institute of Pediatrics of the Ukrainian National Academy of Medical Sciences. Most of her analytic training took place in Switzerland and in 2007 she became one of the first two Members of the International Psychoanalytical Association in Ukraine, and few years later was one of the founding members of the Ukrainian Psychoanalytic Society, IPA Study Group. She translated several analytic books and papers from English to Russian. She was Teacher and Supervisor of Infant Observation Programs according to the Tavistock Clinical Model and introduced the Parent-Infant Psychotherapy following the A. Freud Centre method.

Between 1917 and 1953 the population in Soviet Union suffered enormous traumas. Their transgenerational transmission is considered by the Author in her own life experience, in her patients and in the whole society. In a totalitarian regime underground culture or that of former times played an important role as witness of truth and human dimension and, working as a container – a second skin – which supported mental survival. Why is it later so difficult to face such traumas and disclose the legacy of terror?

Keywords: totalitarian regime, transgenerational trauma, culture, skin, container, feminine.